

НОВАЯ работа Московского театра миниатюр «Хроника широко объявленной смерти» — спектакль сложный, многоплановый, в чем-то спорный, но, безусловно, интересный. Михаил Левитин написал и поставил пьесу по мотивам произведений Юрия Трифонова, Курта Воннегута, Альберто Моравиа и Габриэля Гарсиа Маркеса. Такие непохожие, самобытные авторы.

Вот две трифоновские новеллы — «Вера и Зойка» и «Однажды, душной ночью». Первая новелла — из сборника «Кепка с большим козырьком». Именно с этого сборника начался тот Трифонов, которого мы знаем и любим. Сюжет новеллы буднично прост: две немолодые женщины нанялись убирать дачу у третьей женщины, научного работника. Во время уборки и происходит действие. Действие? Кажется, что и действия-то никакого нет — перемещают вещи, стулья, моют рамы и полы, идет разговор «за жизнь». Но в этом разговоре и заключено главное действие. Две одинокие женщины — Вера (А. Полищук) и Зойка (Л. Балахонova) — говорят о своей жизни, и мы видим, сколько поистине шекспировского трагизма в незамысловатых житейских историях.

В основе другой трифоновской новеллы, напротив, не столько необычная ситуация: трое друзей, гуляя ночью по Ашхабаду, встречаются с испанцем-ветеринаром, постоянно живущим в Советском Союзе. Испанец (В. Гусев) не может попасть в свою комнату в гостинице, так как товарищ, с которым он живет в одной комнате, уходя, не оставил ключи. Горячий, экспрессивный испанец пытается просто-напросто выбить дверь, и его принимают поначалу за пьяного или сумасшедшего. Потом, когда все выясняется, заходит разговор об Испа-

нии, о гражданской войне, о смерти Гарсиа Лорки. И вдруг сцена преобразается — перед нами уже не пыльные улицы южного города, а республиканские баррикады; это на нас, зрителей, уставлены карабины фалангистов. Возникает обыкновенное чудо театра — чудо сопричастности. Герой рассказа родом из Астурии. «Если бы все испанцы сражались, как астуры, — восклицает он, — республика не погибла бы!» В этих выст-

веке — ученом физике Феликсе Хоникере, создателе атомной бомбы, уничтожившей целый город. Самого физика на сцене нет, но мы постоянно ощущаем его присутствие. Как же Хоникер благословил страшное бродящее смерти? — задаются вопросом и актеры, и зрители. Но сначала мы должны решить иной, более общечеловеческий вопрос: нравственна ли наука, есть ли в ней понятие «добра» и «зла»? «Есть, — дается в

Горчаков), и тетушка Ортензия (Л. Чернова), и служанка Виктория (А. Барахонova) и полицейский Леандро (Е. Арзуманян), и многие другие — знает о готовящемся преступлении, и каждый старается уйти в сторону, просит другого предупредить Насара. В итоге из-за нелепого пред-рассудка, лжи и равнодушия погибает человек.

В одном случае погибают десятки тысяч, в другом — один человек. Но принципиальной разницы между этими смертями нет. Они заставляют нас задуматься над самым важным сейчас вопросом: как спасти мир? Здесь и заключается главная идея спектакля — ответственности человека за все происходящее вокруг.

К сожалению, в спектакле нет активных, деятельных героев, которых можно противопоставить отрицательным персонажам, и это заметно снижает пафос пьесы.

В целом же спектакль получился яркий, красочный, динамичный. В нем много музыки.

Михаил Левитин — режиссер острый, гротескной формы, актеры играют порой на грани эксцентрики. Иногда кажется, что этот гротеск чрезмерен, но, вероятно, он все же оправдан общим режиссерским замыслом, стремлением уйти от проторенных путей. Во всяком случае, режиссеру удалось сохранить единство формы и содержания. Несмотря на разнохарактерный драматургический материал, спектакль един по духу. О наиболее надо говорить громко, иначе тебя могут не услышать — такой принцип положен в его основу. Можно спорить об отдельных моментах постановки, но следует признать, что в целом спектакль — удача театра, стремящегося о главных проблемах современности говорить во весь голос.

А. ЛАВРИН.

ТЕАТР

Ч У Д О СОПРИЧАСТНОСТИ

радных словах — понимание того, что правое дело не может победить само по себе. Необходимо, чтобы не было равнодушных, чтобы каждый отдал ему все силы.

СЦЕНИЧЕСКИЕ новеллы по рассказам А. Моравиа «Приказывая, я подчиняюсь» (здесь блестяще, с чисто итальянским темпераментом играет главного героя-безработного Туллио — Евгений Герчаков) и «Знаменитость» — о духовном вакууме, о равнодушии людей в западном мире. Характерно, что обе сцены заканчиваются гибелью героев — одни погибают физически, другие — сходят с ума. То же о гибели, но уже целого мира идет речь в инсценировке по К. Воннегуту «Колыбель для кошки». Три ее действующих лица — Крошка Ньют (А. Пожаров), профессор Брид (Р. Рудин), журналистка (Н. Поливанова) — говорят об одном и том же чело-

спектакле однозначный ответ, — это понятие присутствует в любой области человеческой жизни». Человек погибает не от стечения роковых обстоятельств, утверждает следователь (А. Пожаров) в инсценировке по Маркесу, а от людского равнодушия, нежелания людей понять свою ответственность за происходящее вокруг.

Крошка Ньют вспоминает, как один из ученых после испытаний атомной бомбы сказал его отцу: «Теперь наука познала грех», в ответ на что Хоникер спросил: «А что такое грех?».

В Америке один человек создал бомбу, которая убила десятки тысяч людей; в провинциальном колумбийском городке десятки людей убивают одного — Сантьяго Насара (В. Гусев). Убивают своей отстраненностью, нежеланием вмешиваться в происходящее. Каждый из них — и друг Сантьяго Кристо Бедойя (Е.